№ 37
СЕНТЯБРЬ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

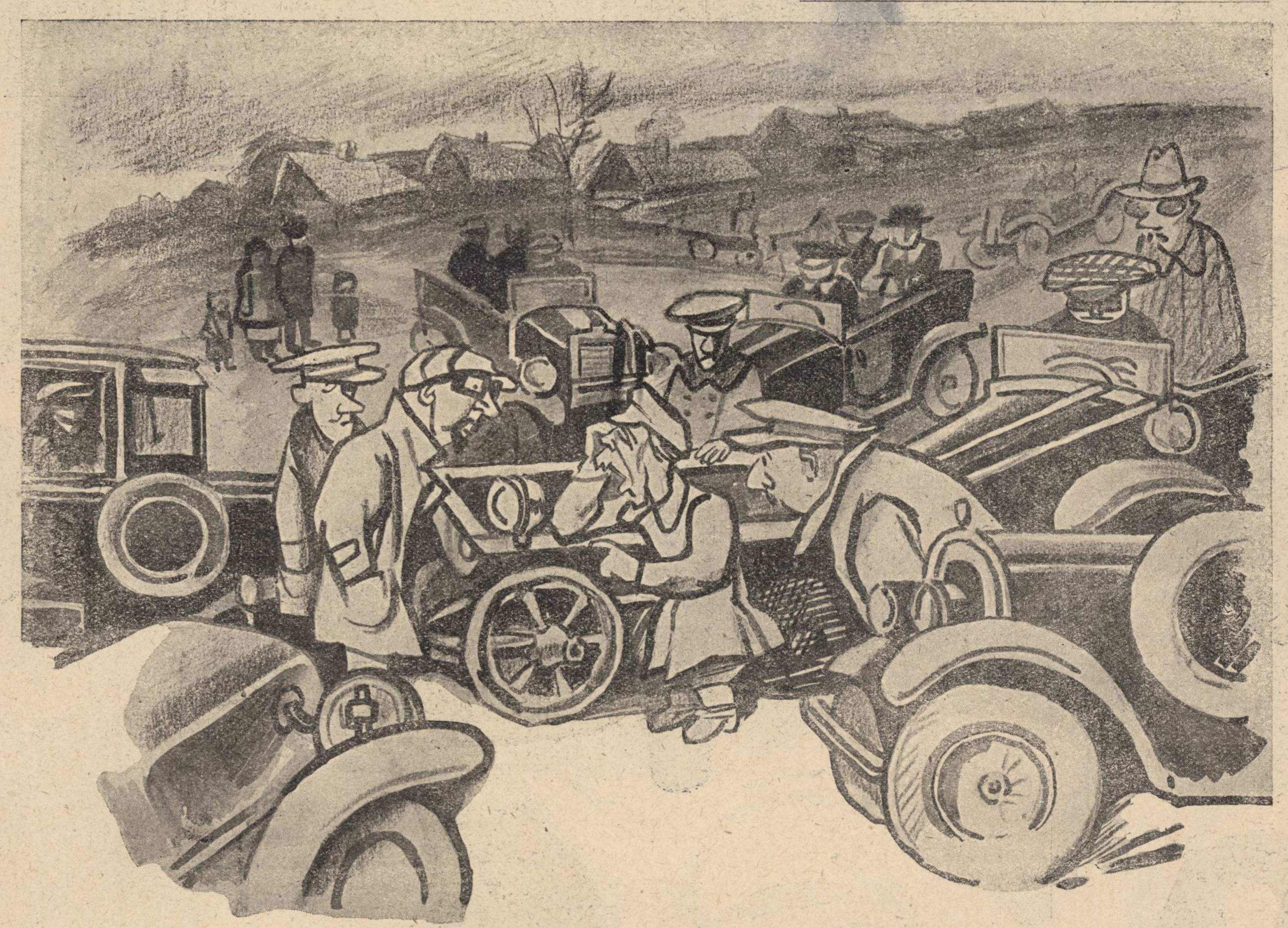
Рис. А. Радакова

— Какие у вас теперь отношения с женой?
— Самые подшефные: видимся не более одного раза в году...

ПРОПАДАЙ, АВТО-ТЕЛЕГА!..

Рис. А. Радакова

Опыт с авто-телегой не удался.
(Из газет).

КРЕСТЬЯНИН: — Я не хочу, товарищи инструкторы, авто-телегу. Я хочу авто-мобиль

ПЕРЕД СЕАНСОМ

Чистая лирика

Отражаясь в зеркалах, идут и идут...
Здесь приманок не мало,
И здесь не скучают.
До сеанса осталось
Ровно сорок минут...
— Подходите к буфету! Пирожного? Чаю?
На тарелке пирожное схоже с погоном —
Две полоски клубничные,
В центре — миндаль.
— И бутылку ситро!
Открывают со звоном...
Этикетка — плоды, золотая медаль.
Дорогие товарищи!
Нужно быть зрячим,
Находить соответствия, сходства — во всем:
Наклониться с улыбкой
Над чаем горячим
И сказать:
— Покатился лимон колесом!
Здесь приманок немало.
И весело тут.
Будем музыку слушать!
Не зря ведь играют!
Человеческим голосом флейты поют,
Феодальная арфа, как призрак, мерцает.
А хотите — посмотрим на публику...
Вот
Гражданин стопроцентно-приличный идет.
«Я приличен!»—
Кричит он очками, походкой
И своею котлетообразной бородкой...
(Очень странная штука!
До кончиков рук
Все прилично:
И плешь, и на брюках полоска,
Но вот именно эти вот граждане вдруг
Попадают под суд
За растленье подростков).
До начала сеанса
Еще полчаса,
Двери плотно закрыты...
Там призраки реют, —
Но и здесь перед нами
Цветут чудеса, —
Например:
Почему не сыграть в лотерею?
Этот фокусный столик!
Эта барышня злая!
Папильотки — билетики!
Ну-ка, сюда!
Ну-ка, всовывай руку,
Тревожно вздыхая —
Ну-ка, что тебе выудит
Случай — уда?
Полбутылки портвейну?
Или просто картинку:
В черно-бурой лисе композитора Глинку?
Или ковшик кустарный? Видишь — стоит?
Ну, потрогай:
Как яблоко, ковшик скрипит!

Зубило

„НАШ КЛУБ В ПОХОД СОБРАЛСЯ...“

Рис. М. Черемных

— Ну, наш клуб начал поход против алкоголя...
— Пивной буфет закрыли?
— Что вы! Он же доход дает!!. Просто антиалкогольную пьеску поставили!

ДЯДЯ СИЛАНТИЙ АРНОЛЬДЫЧ

Рис Г. Эфроса

Новый кооперативный дом был чист и свеж, как невеста. Сверкали стекла. Одуряюще пахли краской перила. Партия полотеров оставляла за собою длинные охряные следы сияющей мастики. Монтеры выправляли последние лампочки и патроны. А с дверей и плинтусов не успели еще сойти известковые брызги.

Наконец-то мы заживем, как люди!

Первыми вселились Протокотовы.

Протокотову удалось вырвать из цепких рук родственников председателя правления три прелестных комнаты, окнами на юг, с газовой плитой, ванной и комфортабельной уборной.

Когда Протокотов втискивал в дверь первый стол, душа его наполнилась чувством гордости и умиления.

— Наконец-то, — сказал он жене, — наконец-то мы заживаем, как люди. В совершенно отдельной квартире! Одни, совсем одни!

В глазах жены стояли слезы.

— Здесь будет спальня, — заметил Протокотов. — Комната, правда, не особенно большая, но зато очень хорошенькая и теплая. А вот это столовая и мой кабинет. Здесь мы сможем принимать знакомых. Правда, милая?

Жена тихо плакала.

— А вот здесь,—сказал Протокотов с дрожью в голосе, — в этой малюсенькой комнате мы поместим дядю Силантия.

— Бедный дядя, — вздохнула жена, — наконец-то и дядя сможет зажить, как человек.

Дядя Силантий Арнольдыч жил в огромной и пыльной, как канцелярия воинского начальника, квартире на Плющихе, совместно с тридцатью пятью жильцами. Занимал дядя бывшую ванную — крохотную, совершенно темную комнату без окон.

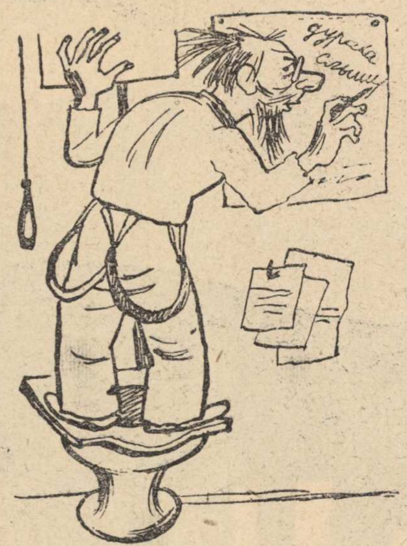
В течение целого дня Силантий Арнольдыч таскал в квартиру племянника вещи. Таскал сам, надрываясь под тяжестью облезших этажерок и винтовых табуретов красного дерева.

— Зачем это, дядя? — поморщился Протокотов, столкнувшись с пыхтящим дядей в дверях. — Почему вы мне не сказали про этот комод? Я бы нанял носильщика и дело с концом.

— Что ты! Что ты! — зашептал дядя, прикрывая хилым старческим телом допотопный комодик. — Какие теперь носильщики!

Испуганно оглядываясь, дядя Силантий впихнул комодик в новую свою комнату и заперся на ключ.

— Странный какой-то дядя Силантий, — сказал Протокотов жене, ложась спать. — Впрочем, обживется, привыкнет.

Дядя Силантий работал, не покладая рук.

Но Силантий не привык.

Утром Протокотов увидел в чистенькой, уютной уборной большое, написанное каллиграфическим почерком об'явление. Начиналось оно следующими словами:

> *Граждане!*
> *Помните, что вы здесь*
> *не одни!*
> *Люди ждут!*

Дальше предлагалось спускать воду и не бросать на пол окурков. Всего было пунктов восемь. Об'явление кончалось угрозой, что если «граждане жильцы» не будут исполнять правил, уборную придется закрыть.

Протокотов улыбнулся и сорвал об'явление.

В полдень в уборной появилось новое об'явление, написанное тем же каллиграфическим почерком. Первые слова были такие:

> *Прошу в общественной*
> *уборной не хулиганить.*
> *Не забывайте, что вы*
> *здесь не одни!..*

Протокотов подумал, вытащил автоматическую ручку и написал в конце об'явления большими буквами слово «Дурак».

В ответ появилось:

«От дурака слышу!».

Переписка продолжалась целый день.

Победил дядя, повесив на стену очень длинную талантливо составленную инструкцию.

Дядя Силантий работал, не покладая рук.

На следующий день Протокотов обнаружил в дивной эмалированной ванне старый матрац, пирамиду перевязанных бечевкой книг и пыльную клетку из-под попугая.

На дверях появилась бумажка:

> *Звонить:*
> *М. И. Протокотову—8 р.*
> *С. А. Протокотову—14 р.*

Рядом с бумажкой Силантий Арнольдыч пробил глазок, а с внутренней стороны приладил чугунный засов, толстую ржавую цепочку и длинную железную штангу.

Внизу, в швейцарской Силантий вывесил воззвание, начинающееся словами:

«*Граждане держатели кошек!*»

Дядя требовал от граждан-держателей, чтобы они надели на кошек намордники, обещая пожаловаться на ослушников управдому.

Коридорчик протокотовской квартиры покрылся аккуратно приклеенными гуммиарабиком четвертушками бумаги.

«Не топайте ногами» — требовал дядя, — «вы не одни». «Гасите за собой электрический свет». «Не бросайте окурков, бумажек и мусору. За вами нет уборщиц».

Приезжали с завода, грозили выключить газ.

Как-то в субботу супруги Протокотовы были приглашены на дачу и вернулись только в понедельник.

В кухне было пусто. Посредине любимой комнаты Протокотовых — (столовой — кабинета), предназначенной для приема гостей и оклеенной изящными светленькими обоями, стояла газовая плитка. К ней была прилажена глупая коленчатая труба, которая тянулась через всю комнату и выходила в окно.

За два дня Силантий Арнольдыч умудрился переделать гордость Протокотовых — газовую плитку — в буржуйку.

Привести буржуйку в прежнее состояние оказалось делом нелегким. Приезжали с газового завода, грозили выключить газ и взяли за переделку 80 рублей.

Протокотов ворвался к комнату дяди Силантия и долго топал ногами. Старик испуганно мигал серенькими ресницами.

— Поймите же,—сказал Протокотов, смягчившись,—что об'явления ваши не нужны. Мы в квартире одни, понимаете, одни! Ничего не нужно переделывать, дядя. Все благополучно. Поняли?

Старик почти не показывался из своей комнаты. Выходил он только тогда, когда Протокотовых не было дома, блуждал по квартире, пробовал дверные запоры и тайком привешивал новые об'явления.

Как-то, возвратившись ночью из театра, супруги долго и безрезультатно звонили. Потом Протокотов догадался позвонить 14 раз.

За дверью зашуршали валенками.

— Кто там? — встревоженно спросил Силантий.

— Это я. Откройте, дядя!

— Кто таков? — закричал Силантий нечеловеческим голосом.

— Да я же, дядя, я — Михаил.

— Без управдома не пущу!— пискнул дядя.

— Пустите, ч-чорт!!

Дверь не открывалась.

Протокотов пытался высадить дверь плечом. Засов и штанга трещали, но не сдавались.

Протокотов стал колотить в дверь руками и ногами.

— Караул! — запел Силантий Арнольдыч.

Собрались жильцы. Пришлось сходить за управдомом.

Дяде просунули под дверь управдомово удостоверение, и только после этого дверь отворилась.

Целый день Силантий Арнольдыч таскал вещи обратно на Плющиху. Таскал сам, надрываясь под тяжестью облезших этажерок и винтовых табуретов.

Силантий таскал вещи обратно на Плющиху.

Останавливаясь на лестнице отдохнуть, он снимал старомодное золотое пенснэ и испуганно мигал серенькими ресницами.

Евг. Петров

ВЕЛИКАЯ ОХОТА

Густобровый старикашка — середняк из подгородной деревни, благочестиво пил чай на общей кухне у дочки — прислуги, муслил бублик бледными деснами и сердито сипел:

— Ноне как? Дойдешь по делам до казенного дома и народу насыпано в ем—просто три села, а спросить путем некого. Никто—ничего. А все почему? Помешался чиновный народ. Землемер ноне в лавке торгует, дохтур книгами занимается, а учитель по рыбному делу пошел... Даже поп и тот ноне волосья скинул и на казенный кусок устремляется. Вот и ходишь промеж них, как в лесу, и все понимающей дело личности добиваешься...

Я не помню, «добился-ли» огорченный проситель до понимающего человека, но что он был прав во многом, доказывает лежащий под рукой документ, который я полностью списываю.

«В Комиссариат Путей Сообщения

гражданина села Чисти Минского округа,

Михаила Яковлевича Чешейко.

Я, Чешейко, будучи по образовательному цензу семинарист, служил с 1903 по 1913 год учителем, а с 1913 священствую. *Но в виду обстоятельств, дальше священствовать не приходится.* Поэтому, желая поработать не покладая рук на благо железнодорожного строительства Ташкентских дорог, убедительнейше прошу Комиссариат Тур-Пути (?!) предоставить мне одно из свободных мест *соответствующее моему образовательному цензу.*

Служить имеется великая охота и энергия, но либерализму отдавать себя с 7 душ семейства нет возможности.

На этом поразительном заявлении, честь-честью, положена резолюция:

М. Чешейко».

«В управление Турсибстроя. По принадлежности.

За начальника бюро личного состава (подпись)».

Как это ни странно, но очевидно, ни автору резолюции, ни прочим лицам, читавшим этот вопль энергичного батюшки, даже и в голову не пришли совершенно естественные, казалось бы, вопросы:

Во-первых: — так ли наше желдорстроительство нуждается в горячей помощи неунывающего бати?

Во-вторых: — какое же именно свободное место соответствует такому солидному кадильному стажу?

И что же, в самом деле, думает делать на осчастливленной им дороге либеральный отец Чешейко?

Служить ли, не покладая рук, молебны за доброе и гостеприимное правление дороги?

— Кадить ли ладаном в красных уголках?

— или, может быть, служить панихиду, по случаю крушений или убытков?

А не станет ли с такими служащими и сама-то дорога «дышать на ладан»?

*

Пример заразителен.

И я, скромный фельетонист, тоже «с великой охотой» готов «поработать на благо». Либеральничать, чорт возьми, некогда. Жена, дети. А, кстати, и ценз подходящий, — не хуже поповского:

— играю отлично в преферанс. Могу чинить электричество и даже дрессировать мышей.

А посему, — согласен управлять дорогой. Расстоянием не стесняюсь.

Да и чего там стесняться,

— другие же не стесняются!

Леонид Саянский

ГАМЛЕТОВСКИЙ ВОПРОС

Мейерхольд не вернулся к началу сезона, заявив, что театр без репертуара и... субсидий существовать не может.

Рис. Кукрыниксы

МЕЙЕРХОЛЬД: — ДЕ или ДС? «Даешь Европу» или «Даешь Субсидию»?..

ДОМА

— А муж есть глава жены!!

— Ну, эта глава не из современного романа...

ПО СИНИМ ВОЛНАМ...

— Читал вчера дивное стихотворение Лермонтова «Аэроплан»...

— Аэроплан?!.

— Ну, иначе говоря «Воздушный корабль»!..

РАЗУМНЫЙ ОТВЕТ

— Иванов! Какие вы знаете небесные тела?

— Летчик Осоавиахима, тов. педагог!

ЖУЛИКИ

В кабинет к заведывающему складом робко вошел молодой человек, застенчиво поклонился и, теребя старую, мятую, видавшую виды кепку, сказал срывающимся голосом:

— Вам, говорят, человек нужен? Нельзя ли мне...

— Гм,— сказал заведывающий,— а вы того, это самое, — можно ли на вас положиться? Ведь, дело у нас сами знаете, — возможность злоупотреблять полная. Контролировать нас трудно, почти невозможно. Мне нужен человек опытный и потом такой, на которого положиться можно. А можно на вас положиться?

— Как на каменную гору, — горячо сказал молодой человек, — вы знаете, я, ведь, на старой службе такие злоупотребления открыл, что там вся компания под суд пошла и все благодаря мне.

— Скажите, какой прыткий, — восхищенно заметил заведывающий, — такой молодой, а уже открывает злоупотребления!

— Да, да, — сказал молодой человек, — уж такая у меня натура. Чуть что — незаконный поступок, или там — всякие крысы развелись, или какая-нибудь утечка, — я сейчас пронюхаю, чем это пахнет, и уж будьте покойненьки — спуску не дам.

— Это очень приятно, — осклабился заведывающий складом в довольной улыбке, — в наше время так редко встречаешь идейных молодых людей, что я считаю для себя честью пожать вашу руку!

Завскладом, действительно, взял руку молодого человека и стал трясти ее.

— Так вы, стало быть, честный человек? — спросил он задушевным голосом.

— Ужасно, — воскликнул молодой человек, — ужасно честный. Еще покойная матушка завещала мне, умирая (он всхлипнул и вытер глаза платком), честность, говорила она мне: сын мой...

— Ну, все это очень хорошо, — перебил его в этом месте завскладом, — все это очень хорошо, только у нас, к сожалению, нет вакансий-с. Да-с. До свиданьица.

— Как, — закричал молодой человек, — нет места? Зачем же ты, старая крыса, манежил меня здесь полчаса, про честность расспрашивал, а я тебе про мамашу плел! Я такой же честный, как ты — японский император. Жулик я — вот кто. И со старой службы меня за усушку вытряхнули. Только не я, конечно, засыпал... Я никогда не выдам компаньонов. Не таковский. Попался там один неопытный галченок, ну, на первом же фальшивом ордере в лужу сел. Пришлось из-за него и мне уходить. А если бы не этот дуралей, сидел бы я там до торжества революции в мировом масштабе и никто бы мне носа не подточил. Вот как-с! Эх, ты, скрипун! Я заливаю, а ты и уши развесил. Прощай, что ли.

— Постой, постой, куда ты,—закричал завскладом, — и ухватился за молодого человека.

— За милицией послать хочешь,—рассмеялся молодой человек,—что ж, посылай, а улик-то ведь нет? Я, ведь, без свидетелей рассказывал. Я, старикан, из любого грязного дела чистым выйти берусь.

— Это совсем другой разговор,— сказал старик, не выпуская молодого, — садись-ка и давай, значит, договариваться о твоей работе у нас.

С. Карташов

„ИДЯ НА ВСТРЕЧУ...

Рис. В. Козлинского

... УВАЖАЕМЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ!"

ВСЯКАЯ БУЗА

Есть такие люди, которые, напоровшись на гвоздь,— вместо того, чтобы вынуть его из пола,— снимают сапоги:

— К чему сапоги, раз все равно гвозди лежат?

Когда заправил ленинградской биржи труда уличили в том, что они не приняли более 2000 жалоб, — они постановили ходатайствовать о снятии жалобных ящиков вообще «за ненадобностью, в виду несерьезности поступающих в них жалоб».

Судя по тому, что за это дело взялись и московские, и ленинградские газеты, — снять, действительно, надо.

А откуда — со стены или с работы, и кого — ящики или ленинградских бюрократов — об этом задумываться не стоит: мелочи!..

СЫН

Катя к детям нелюбовь питала
И ораторствовала о том, как
Вредно в окружении капитала
Активистам разводить потомков.

«Нависают войн грядущих дымы,
А у нас бюрократизм и пьянство...
Не детей воспитывать должны мы,
А отсталые слои крестьянства...

Зарастаем бытовым бурьяном,
Прячемся от бури по заливам...»
Катя агитировала рьяно,
Коля Кате возражал шутливо:

«Мы должны помочь рождаться детям,
А иначе можем поплатиться —
Упадет прирост и не заметим,
Как кулак воспользуется этим
И начнет усиленно плодиться».

На Руси веселие болтати...
Редко спор бывает результатен,
Но на этот раз
В конечном результате
Родился ребеночек у Кати.

Маленький и красненький комочек.
При ближайшем рассмотрении комочка —
Оказалось, что растет сыночек
И ни в коем случае не дочка.

И поэтому, ребенка пеленая,
Обворачивая зябнущего байкой,
Коля предложил назвать комочек Маем
И ни в коем случае не Майкой.

Понемногу краснота бледнела,
На рученках ниточные кольца,
И комочек превратился в тело,
В будущее тело комсомольца.

Мама Катя спорить перестала,
Перестала говорить о том, как
Вредно в окружении капитала
Активистам разводить потомков.

И за то, чтобы рождались люди
Вопреки «очередным моментам»,
Стали полновесным аргументом
Молоком осмысленные груди...

Катя видит сына пионером,
Вузовцем, а дальше, непременно,
Гениальным главным инженером
Пензенского метрополитэна.

Коля не вполне согласен с Катей:
«Я не спорю — Май, конечно, гений,
Но, по моему, он будет председатель
Мирового Треста Орошений».

Михаил Вольпин

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

— Задушил наш зав стенную газету!
— Каким образом?
— Хорошо стал работать!

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

— Что это за роман такой «Двадцать лет спустя»?
— Наверное там говорится о получении какой-нибудь справки!

БУНТАРИ

Рис. А. Радакова

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ: — Кто же может сказать, что у с.-д. не подымаются руки, когда мы находимся непосредственно против правительства?

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Рис. В. Козлинского

— Видишь, как у нас самокритика пошла: все ораторы только о недостатках и говорили. Вот это — достижение!

НАША САМОКРИТИКА

ЧЕМБЕРЛЕН — дежурное блюдо сатирической кухни. Стародавний кормилец газетных и журнальных карикатуристов. Легко изобразим, так как состоит всего-на-всего из трех элементов: цилиндра, монокля и коварной интриги.

АКУЛА ИМПЕРИАЛИЗМА — нес'едобная рыба. Водится в воде газетных передовиц, встречается и в сатирических журналах. При частом потреблении вызывает у потребителя (читателя тож) легкую тошноту.

ГИДРА БЮРОКРАТИЗМА — семиголовое чудовище, с которым бесстрашно борются штатные фельетонисты. При ближайшем рассмотрении оказывается младшим делопроизводителем, крайне медленно выдающим справки.

ЗАВ — человек чем-то заведующий (чем — неважно). Отличительные признаки: портфель, роговые очки и склонность к бюрократизму. О последней свидетельствует не столько рисунок, сколько подпись к нему. Рисунок, изображающий зава, подписывают, примерно, так:

«Зав (надменно): — Я даже ванны не принимаю без доклада!».

СЕКРЕТАРША—штатная девушка, хранящая секреты зава. Секретарша с хорошеньким личиком называется личной секретаршей. И та, и другая симпатиями фельетонистов не пользуются. По крайней мере — на страницах журналов.

ПИШМАШ — или, в переводе на русский язык, машинистка. Вопреки своему названию, является часто «стрелочником, который виноват». На сатирических рисунках поминутно красит губы, подрывая этим народное благосостояние. В действительности красит их значительно реже, благодаря загруженности работой и дороговизне губной помады.

КАССИР-РАСТРАТЧИК — вполне заменяет несозвучную эпохе старорежимную тещу. Он удобен уже тем, что не требует специального рисунка. Рисунок, изображающий, скажем, бега, может быть без труда обращен против преступного растратчика. Подписывают его для этого так:

«— Здорово бежит эта лошадь!

— Это — что! Наш кассир, вот вчера, вместе с кассой сбежал!..».

РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ — поминается не реже одного раза в неделю. Подпись под рисунком, изображающим эту комиссию, может быть та или другая, но в качестве заголовка пользуются обычно стандартным: «Что за комиссия, создатель!»

ДОКЛАДЧИК — Статистика утверждает, что подписей под карикатурами на докладчиков только за последний год вполне достаточно для того, чтобы опоясать земной шар 2,03 раза.

ТОВ. ЛУНАЧАРСКОГО И СЕМАШКО — сатирические издания эксплоатируют больше, чем кого-бы то ни было. Признавая в этом, в порядке самокритики, и свою вину, «СМЕХАЧ» рекомендует сатирическим журналам ежегодно предоставлять упомянутым товарищам установленный законом отпуск.

ГВОЗДИ В ХЛЕБЕ — если верить нашим юмористам, сыскать гораздо легче, чем в соответствующих магазинах. На наш взгляд, это неверно и... не интересно. «Гвоздь в хлебе» едва-ли может быть гвоздем номера!

ОТ АЛИМЕНТОВ наши сатирики также должны отказаться. Не от тех, конечно, алиментов, что причитаются по суду, а от алиментов — как темы. Должны они отказаться и от измерения возраста мерами наказания («Сколько вам лет?» — «Пять с изоляцией»), от притупившихся острот о жилплощади («Живу на жилплощади — вот и ругаюсь площадными словами») и т. д., и т. д.

Старший архивариус

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Эм. Бескин в «Новом Зрителе», так разбирается в наследии гастролей театра Кабуки:

Неважно, что в этой сцене харакири дано такое максимальное кабукианство, как передача местами слов от актера к рапсодирующему рассказчику, или пантомимический прием самого харакири под ритмические удары семисена.

... Динамизм европейского театра, при совершенно разных по отношению к старо-японскому театру социологических эквивалентах, встречает в нем некоторого попутчика по самому принципу динамизма.

Тут очевидная неувязка. Речь идет о японском театре, а, прочитав рецензию, нельзя не сказать о ней:

— Китайская грамота!..

★

Хорошо живется собакам в Холливуде!

На эту тему Н. Бессонов написал пространную статью, помещенную в одном из последних номеров «Красной Панорамы».

В статье приводится следующий прейс-курант госпиталя для собак:

Полный уход за красотой, включая завивку шерсти — 10 долларов и дороже.

Стрижка, вычесывание и протирание шерсти — 5 долларов.

Маникюр, педикюр и прическа (раз в неделю) — от 10 долларов в месяц и дороже.

Позвольте, позвольте, гражданин Бессонов!

Как известно, у собак (даже заграничных) рук не имеется, — откуда же «маникюр»?

Пишите статьи о стрижке собак, но не занимайтесь стрижкой читателей!..

★

В только что вышедшей книге стихов «Волчье солнце» автор ее — В. Эрлих — пишет:

Устал я жить в чужом краю...

А у Есенина (т. I, стр. 154) читаем:

Устал я жить в родном краю...

«Смехач» по этому поводу написал следующий, адресованный В. Эрлиху, экспромт:

«Устал я жить в чужом краю...»
Да! Плагиат здесь несомненен.
Ты выдал строчку за свою,
Хоть написал ее — Есенин!..

ВСЯКАЯ БУЗА

На митинге, созванном генеральным советом английских тред-юнионов, Маргарита Бонфильд заявила, что «борьба против капитализма должна отмечаться высоким моральным характером».

Очевидно, тред - юнионы полагают, что открытие яслей для престарелых лордов, а также детской площадки для пострадавших углепромышленников, — единственный вид активного рабочего движения.

❦

Каждый старается использовать театр так, как он может, но некоторые при этом проявляют степень большой оригинальности. Так, в Мурманске некий врач, оказавшийся между прочим самозванцем, Нарицын сделал местом своих любовных похождений — по словам «Полярной Правды» — суфлерскую будку.

Все это доказывает, что переход к постановкам спектаклей без суфлера вызывается самой жизнью: по крайней мере, для провинциальных ловеласов — меньше соблазна.

❦

О людях, делающих глупости, говорят, что они:

— Без задерживающих центров.

О некоторых странах этого не скажешь.

Так, например, в Финляндии главную роль играют именно эти самые «задерживающие центры».

Одним из них и были задержаны наши профсоюзники, вздумавшие прогуляться на профсоюзных яхтах в эту неостроумную страну. Интересно отметить, что при обыске у профсоюзников моментально отобрали катушку детекторного приемника.

Вот до какой степени наши радио-изделия пользуются вниманием других соседей...

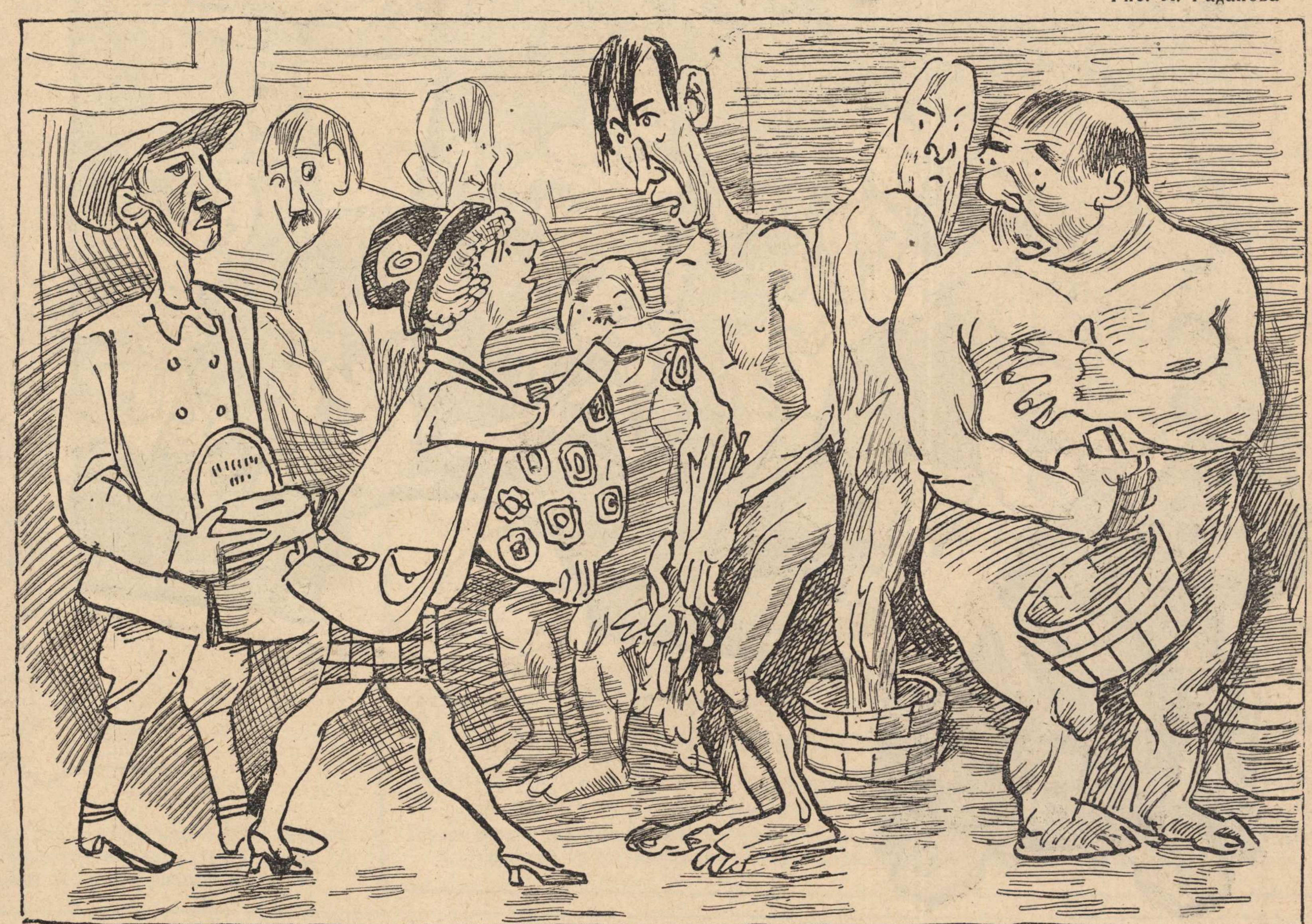
❦

Горькую историю рассказывает Орехово - Зуевская «Колотушка» о том, как тушат пожары в Орехово-Зуеве: заступом выроют яму, пустят туда кишку и грязью поливают огонь.

Мы считаем это величайшим достижением техники: раньше грязевыми ваннами лечили только людей, а теперь их применяют даже к таким птицам, как красный петух.

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

Рис. А. Радакова

— Граждане! Разрешите приколоть значек!

НА ОПЕРНОМ ФРОНТЕ

Шаржи И. Малютина

Директором московского Большого академическог͏о театра назначен юрист С. В. Александровский.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР: — Эге! Да тут одному юристу не справиться! Нужна выездная сессия!..

НЕ ВЫГОРЕЛО!

Жалуется один одессит:

В отремонтированном и отстроенном после пожара одесском городском театре имеется занавес с такими об'явлениями:

«Кто хочет провести время весело, сытно и недорого, — идите в ресторан б. Робина. Новость. Водка с бесплатной закуской — горячей и холодной!..»

Должно быть, администрация театра так напугана пожаром, что даже боится искры... культурной революции.

ГДЕ ТУТ СОБАКА ЗАРЫТА?

«Смехачу» сообщают такой факт:

В г. Сумы союз охотников и рыболовов, совместно с милицией, без предупреждения населения перестрелял собак всего города, среди которых преимущественно были ценные. Убивались сторожевые, охотничьи и породистые комнатные собаки.

Не иначе потому так здорово отличились сумские охотники, что им показались дворняги, мопсы и шпицы — волками в собачьей шкуре.

ПО СТАРИНКЕ

Жалуется один рабкор:

— Одиннадцатый год Октябрьской революции, а до сих пор на Рязанском вокзале висят плакаты, где фигурирует буква ять.

Зря вы это жалуетесь. Можно сказать, что люди работают на ять, а вы еще на них в претензии.

ВЕРНЫЙ ПРОИГРЫШ

Из Одессы пишут:

Несмотря на постановление Совнаркома СССР о закрытии игорных домов, в Одессе до сих пор процветают 4 игорных заведения и совсем недавно ПОМДЕТ выстроил в центре города новый павильон для игры.

Товарищ, приславший нам это письмо, просит нас еще раз напомнить, кому следует, в Одессе о закрытии игорных заведений.

Сообщаем радио-молнией:

«Одесса. Кому следует. Игра окончена! Ставок больше нет!».

НОВАЯ МОДА

Если искусство одеваться — довольно трудное искусство, то уменье одевать окажется еще труднее.

Так, при профсоюзной проверке оказалось, что во Владимире:

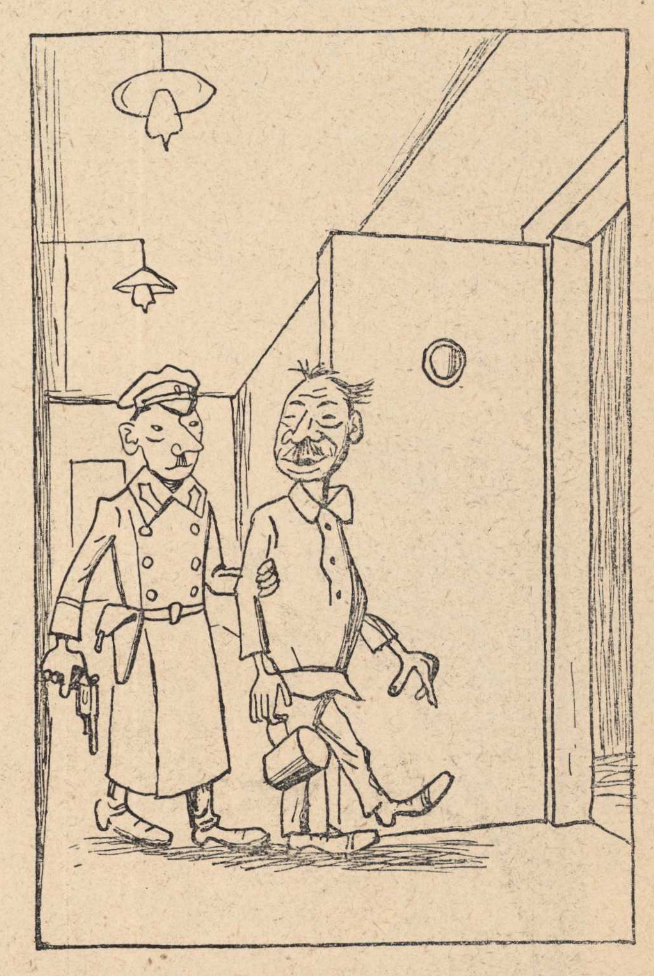
На фабрике «III Интернационал» работницам вместо женских костюмов спецодежды выдают мужские

Это еще может быть туда-сюда, а что будет, если мудрые хозяйственники оденут рабочих в короткие юбки... Правда, получится оригинально, но вряд-ли это вызовет особое восхищение и похвалы со стороны надлежащих органов...

УРОК ВЕЖЛИВОСТИ

В 31-м отделении мосмилиции милиционерам, чтобы напиться воды, приходится одалживать кружку у арестованных.

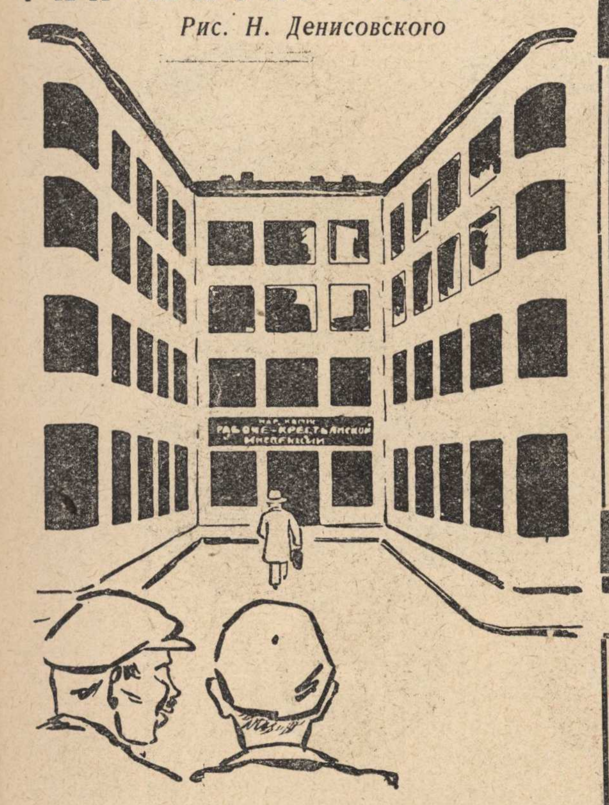
Рис. Б. М.

АРЕСТОВАННЫЙ: — Только ты, товарищ милиционер, обращайся со мной повежливей, а то три дня у меня без воды просидишь!

РКИ—ШКОЛА ЯЗЫКА

Рис. Н. Денисовского

— Наш зав в РКИ, как в ВУЗ ходит: он обучается там новому языку... как... со служащими вежливо разговаривать!

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар, 11.

Издатель — «Гудок». Ответственный редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А21189. Тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Зак. № 1569. Тир. 100.000.

СЕЗОННАЯ ПЕСЕНКА

Урожай в некоторых хлебных районах превзошел все ожидания, но хлебный поток упирается в наглухо закрытые двери амбаров и ссыпных пунктов.

«Правда».

Рис. М. Черемных

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою,
Ты-ж дремли, закрывши глазки
на бездеятельность хлебозаготовительных организаций, конкуренцию хлебозаготовителей, спекуляцию частников и пр.,—
Баюшки-баю!..